

113

3

ОТВѢТЪ

Г.г. ШЕФФЕРУ, МИНХУ и МЕРИНГУ.

(Университетскія Извѣстія. Сентябрь. 1878 г. Кіевъ).

Е. АФАНАСЬЕВА

доцента университета Св. Владиміра.

КІЕВЪ.

Типографія С. В. Кузьменко, Мало-Житомирская ул., д. 83.
1878.

50

Дозволено цензурою. Київ, 29 Октября, 1878 года.

Отвѣтъ Г.г. Шефферу, Минху и Мерингу.

Въ Сентябской книжкѣ «Университетскихъ Извѣстій» за настоящей годъ—официальномъ органѣ университета Св. Владимира—напечатано дѣло о замѣщеніи вакантной кафедры терапевтической госпитальной клиники съ изложеніемъ личнаго воззрѣнія Г. декана Эргардта на дебаты, бывшіе въ факультетѣ по этому дѣлу, и съ напечатаніемъ отдѣльныхъ мнѣній рецензентовъ о каждомъ кандидатѣ.—Кандидатовъ было трое,—Соколовъ, Вулганъ и я; всѣ трое подверглись одной участи т. е. были забаллотированы. Самъ по себѣ фактъ забаллотирования того или другаго кандидата, при нынѣ дѣйствующемъ университетскомъ уставѣ, могъ бы считаться явленіемъ обычнымъ, если бы только дѣло велось хоть мало мальски порядочно и при оцѣнкѣ кандидатовъ соблюдались приемы достойные людей, считающихъ себя представителями науки. Но, къ сожалѣнію, Киевскій медицинскій факультетъ не обладаетъ необходимымъ безпристрастіемъ въ дѣлѣ замѣщенія вакантныхъ кафедръ и до того такое отношеніе къ дѣлу считается явленіемъ обычнымъ, что одинъ изъ членовъ факультета Г. Мерингъ въ своемъ особомъ мнѣніи, поданномъ имъ по этому дѣлу, пишетъ такъ: „каждое замѣщеніе вакантной кафедры служитъ обыкновенно новой причиною распри членовъ факультета и вызываетъ естественное недоверіе къ дѣйствіямъ факультета со стороны Совѣта, нерѣдко даже со стороны высшаго начальства,“ далее—, „нерѣдко между членами факультета“

тета возникают такіе споры, которые дѣлаютъ достойною и непристрастную оцѣнку кандидатовъ немислимою. Это завѣдомо пристрастное отношеніе членовъ факультета къ дѣлу замѣщѣній кафедръ ставить каждаго кандидата въ крайне незавидное положеніе, такъ какъ, вмѣсто справедливой оцѣнки, на него набрасываются съ пѣною у рта, осыпаютъ его бранью, клеветаютъ на него, и даже не гнушаются прибѣгать къ провинциальному орудію—сплетнѣ. Такіе недостойные порядочныхъ людей приемы обыкновенно прилагаются къ тѣмъ кандидатамъ, которые живутъ въ томъ же городѣ, вращаются въ той же средѣ, а особенно къ тѣмъ изъ нихъ, которымъ приходится сталкиваться съ членами факультета на попрѣцъ медицинской практики, представляющѣмъ широкое поле для всякихъ недоразумѣній. Казалось бы чего проще отрѣчься отъ личныхъ, субъективныхъ, взглядовъ, стать на чисто научную, объективную, почву и судить о кандидатѣ только по научнымъ его трудамъ, употребляя при этомъ и чисто научные приемы; а между тѣмъ на дѣлѣ оказывается совершенно противное: вся оцѣнка такого кандидата сводится только на личные отношенія.

Изъ трехъ бывшихъ кандидатовъ на кафедру терапевтической госпитальной клиники мнѣ, болѣе другихъ, пришлось испытать на себѣ такое отношеніе къ дѣлу въ некоторыхъ членахъ факультета. Вмѣсто научнаго разбора моихъ трудовъ и непристрастной оцѣнки моихъ правъ на вакантную кафедру, Гг. Шефферъ, Минхъ и Мерингъ союли для себя болѣе дѣлосообразнымъ дѣйствовать инсинуаціей и для достиженія своихъ цѣлей не пренебрегали никакими средствами. Такое отношеніе къ дѣлу вынуждаетъ меня отвѣчать каждому изъ нихъ отдѣльно.

Вотъ дословное мнѣніе Г. Шеффера обо мнѣ, какъ оно изложено въ докладѣ Г. декана: „Что касается Г. Афанасьева, то кандидатъ этотъ не представляетъ никакихъ ручательствъ научной подготовки. Единственная научная работа Г. Афа-

нашева есть его диссертация. Поводомъ къ этой работѣ, какъ сказано въ самой диссертации, послужилъ случай клинической діагностики покойнаго проф. Покровскаго, физиологическая же часть работы произведена подъ руководствомъ проф. Томсы, а изъ диспута ясно было, что Г. Афанасьевъ не умѣлъ объяснить явленій, замѣченныхъ имъ же при опытахъ, и что онъ даже не былъ вполне знакомъ съ строеніемъ мозга,—органомъ, о болѣзни котораго писалъ диссертацию. Терапевтическія же статьи Г. Афанасьева не больше какъ рефераты. Что же касается до преподавательскихъ способностей, то на теперешнихъ лекціяхъ Г. Афанасьева онъ, проф. Шефферъ, не былъ, такъ какъ не принято посѣщать лекцій доцентовъ, но онъ очень хорошо помнитъ пробныя лекціи Г. Афанасьева.—Теоретическая, при блестящей наружной формѣ, была совершенно безсодержательна; на практической же лекціи, представлявшей случай болѣзни сердца, Г. Афанасьевъ сдѣлалъ грубую діагностическую ошибку, отыскавши плевритической экссудатъ, котораго вовсе не было. По поводу этого проф. Шефферъ, передъ баллатировкою Г. Афанасьева въ доценты, спросилъ мнѣнія проф. Покровскаго и получилъ отвѣтъ, что для клинической пропедевтики Г. Афанасьевъ можетъ быть полезнымъ преподавателемъ, такъ какъ методы изслѣдованія ему знакомы, но, что въ клиническіе преподаватели самъ онъ, Покровский, не представилъ бы Афанасьева, такъ какъ научная подготовка его недостаточна, и онъ считаетъ его плохимъ діагностомъ.“

Во первыхъ. Моя работа „къ физиологіи мозговыхъ оболочекъ“, хотя и произведена въ лабораторіи проф. Томсы, но всецѣло принадлежитъ мнѣ. Я работалъ въ каникулярное время, когда профессора не имѣютъ обыкновенія посѣщать лабораторій и полученные результаты были мною напечатаны прежде, чѣмъ проф. Томса узналъ объ нихъ. Обстоятельство это на первыхъ порахъ вызвало со стороны проф. Томсы даже

неудовольствие, которое смѣнилось на милость только послѣ прочтенія имъ уже напечатанной диссертации. Г. Шефферъ до того увлекся мыслию доказать мою недостаточную научную подготовку, что не стѣсняясь сплѣвшимся вмѣстѣ съ нимъ проф. Томсою, сталъ увѣрять, что въ моей работѣ начало составлено Покровскимъ, физиологическая часть—Томсою, а мнѣ принадлежитъ только ошибки. Такое безцеремонное обращеніе съ фактами вызвало протестъ со стороны Томсы, заявившаго, что работа эта цѣликомъ принадлежитъ мнѣ. Положимъ заявление это многими членами факультета было пущено мимо ушей и въ докладѣ декана Г. Эргардта оно обратилось въ фразу, что „Афанасьевъ занимался усердно и толково въ лабораторіи,“ но тѣмъ не менѣе слѣдующій подлинный и напечатанный отзывъ проф. Томсы, что „работа Афанасьева отличается строгою логикою и ясностью изложенія и что она вполнѣ научна по достоинству,“ могъ бы всякаго другаго, исключая, разумѣется, Шеффера, заставить воздержаться отъ голословныхъ увѣреній въ родѣ слѣдующаго: „изъ диспута было ясно, что Афанасьевъ не умѣлъ объяснить явленій, замѣченныхъ имъ же при опытахъ.“ Какъ тутъ помирить строгую логику, ясность изложенія и вполнѣ научное достоинство съ неумѣемъ объяснить явленій, замѣченныхъ мною же при опытахъ?!

Въ вторыхъ. По мнѣнію Г. Шеффера всѣ мои терапевтическія работы не болѣе, какъ рефераты. Такимъ образомъ „Описаніе эпидеміи возвратной горячки въ Кіевѣ,“ цитируемое постоянно въ разныхъ отечественныхъ газетахъ и журналахъ, статья—„о двухъ тонахъ въ бедренныхъ артеріяхъ при недостаточности аортальныхъ клапановъ,“ представляющая первое описаніе трехъ случаевъ этого явленія въ отечественной литературѣ; даѣе, статья „о трагическомъ тонѣ Williams'a“ съ описаніемъ двухъ случаевъ пневмоніи съ смертными вскрытіями, въ которыхъ явленіе это наблюдалось при условіяхъ впервые мною подмѣченныхъ и указанныхъ,—

все это, по мнѣнію Г. Шеффера, не болѣе какъ рефераты. Что прикажете дѣлать съ такими заявленіями? Нѣтъ сомнѣнія, что и диссертация моя попала бы тоже подъ рубрику рефератовъ, если бы не имѣлось печатанной рецензіи Г. Томсы на эту работу и если бы она не была напечатана въ иностранныхъ медицинскихъ изданіяхъ, такъ какъ Г. Шефферъ считаетъ научною работою только то, что напечатано въ нѣмецкихъ газетахъ.

Въ третьихъ. Г. Шефферъ не беретъ судить о моихъ преподавательскихъ способностяхъ, такъ какъ не принято посѣщать лекцій доцентовъ. Неужели Г. Шефферъ каждому изъ насъ не извѣстно, какъ кто читаетъ и какъ кого посѣщаютъ студенты. Я никогда не интересовался знать какъ Вы читаете и посѣщаютъ ли Васъ слушатели, а между тѣмъ, за 8-лѣтъ своей преподавательской дѣятельности, само собою у меня составилось представленіе объ Вашихъ чтеніяхъ, объ отношеніи къ Вамъ и Вашимъ лекціямъ г.г. студентовъ и объ скрытомъ состояніи Вашей дѣятельности въ принадлежащей Вамъ лабораторіи. Вы очень хорошо знаете, что моими лекціями студенты довольны, что онѣ очень охотно посѣщаются, но это Вамъ не наруку. Вы беретесь за разборъ моихъ пробныхъ лекцій, читанныхъ 8-лѣтъ тому назадъ, разсчитывая, что не найдется свидѣтелей давно миновавшихъ дѣлъ. Оставляя въ сторонѣ Вашъ личный взглядъ на мою теоретическую лекцію, которая, какъ Вы выражаетесь, „при блестящей наружной формѣ, была совершенно безсодержательна,“ я долженъ Вамъ сказать, что увѣренія Ваши о грубой діагностической ошибкѣ, сдѣланной мною на практической лекціи, не болѣе какъ преднамѣренное искаженіе факта, инсинуация. Практическая лекція имѣла такой же успѣхъ, какъ и теоретическая; на ней я разобралъ больнаго съ перикардитомъ; о плевритическомъ экссудатѣ не было и помину; больной выздоровѣлъ и благополучно выписался изъ клиники, а слѣдова-

тельно о посмертной проверке диагноза перикардита, которая одна только могла быть доказательною, не могло быть речи. Ссылка же Ваша на Г. Меринга и подтверждение имъ Вашихъ словъ показываетъ только, что Г. Мерингъ заодно съ Вами, такъ какъ онъ на моей практической пробной лекции совсемъ не присутствовалъ, а следовательно не имѣетъ права на свидѣтельское подтверждение созданной Вами фантазіею диагностической ошибки. Мы съвѣстно за Васъ и за Г. Меринга въ этомъ случаѣ, но что я долженъ Вамъ сказать за сочиненный Вами разговоръ съ покойнымъ проф. Покровскимъ, которому Вы влагаете въ уста слѣдующую фразу: „что въ клиническіе преподаватели самъ онъ, Покровский, не представилъ бы Афанасьева, такъ какъ научная подготовка его недостаточна и онъ считаетъ его плохимъ діагностомъ.“ Неужели Вы забыли заключительныя слова Покровскаго, обращенныя имъ ко мнѣ по окончаніи диспута? Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ ихъ напомнить Вамъ и заявить, что я имѣю живыхъ свидѣтелей, которые подтвердятъ подлинность этого факта. Покровский свои возраженія на диспутъ заключилъ такъ: „мнѣ очень пріятно заявить передъ лицомъ всѣхъ здѣсь присутствующихъ, что въ теченіи двухлѣтнихъ совместныхъ занятій съ Вами въ клиникѣ, я убѣдился въ отличныхъ Вашихъ диагностическихъ способностяхъ.“ Я могъ ошибиться въ разстановкѣ словъ его речи, но за смыслъ—ручаюсь. Теперь позвольте Васъ спросить—могъ ли Покровский, заявивъ публично о моихъ диагностическихъ способностяхъ на диспутѣ, называть меня плохимъ діагностомъ передъ баллотировкою моею въ доценты т. е. три мѣсяца спустя. Разумѣется нѣтъ. Я затрудняюсь назвать Вашъ поступокъ настоящимъ его именемъ, но надѣюсь, что каждый читатель сумеетъ оценить его по достоинству.

Возраженія Г. Минха противъ моей кандидатуры изложены въ слѣдующей формѣ: „Г. Афанасьевъ послѣ первой и

единственной своей научной работы, написанной 9-лѣтъ тому назадъ, всецѣло преданъ частной практикѣ, обстоятельство, которое онъ, проф. Минхъ, еще допускаетъ со стороны лица съ хорошею научною подготовкою, и считаетъ гибельнымъ для начинающаго.“ Не правда ли, читатель, какъ это осторожно и цѣлесообразно: практикою занимается и за практикою гонятся многіе члены факультета, а потому, чтобы гусей не раздражить, Г. Минхъ ограждаетъ ихъ право на частную медицинскую практику хорошею научною подготовкою; для меня же эту практику онъ считаетъ гибельною, какъ для начинающаго. На это я Вамъ о себѣ, Г. Минхъ, сообщу слѣдующее: семь лѣтъ тому назадъ я получилъ отъ Ректора Варшавскаго университета предложеніе перейти къ нимъ на кафедру факультетской терапевтической клиники съ званіемъ экстраординарнаго профессора, а потомъ, послѣ разсмотрѣнія моихъ научныхъ работъ, представленіе было сдѣлано прямо въ ординары. Какъ разъ одновременно съ этимъ я получилъ въ свое завѣдываніе Старокіевское отдѣленіе Кирилловской больницы, дававшее мнѣ возможность располагать самостоятельными клиническимъ матеріаломъ. Обстоятельство это послужило мнѣ поводомъ отказаться отъ мѣста въ Варшавскомъ университетѣ. Если семь лѣтъ тому назадъ считали возможнымъ поручить мнѣ факультетскую терапевтическую клинику, то зпитеть начинающаго ко мнѣ неудобноприложимъ. Кромѣ того, Ваша ссылка на мою обширную практику тѣмъ болѣе для меня кажется странною, что еще недавно одному русскому молодому хирургу, забаллотированному Кіевскимъ медицинскимъ факультетомъ, ставили въ вину неимѣніе практики, говоря, что частная практика—это мѣрка клинической подготовки кандидата.

Г. Мерингъ начинаетъ съ подтвержденія измышленнаго Г. Шефферомъ факта диагностической ошибки, будто бы сдѣланной мною на практической пробной лекціи, но я уже ска-

заль прежде, что Г. Мерингъ не присутствовалъ на этой лекціи, а потому его свидѣтельное подтвержденіе можетъ быть объяснено или его забывчивостью или же желаніемъ во что бы то не стало повредить мнѣ. Вѣроятность послѣдняго предположенія вытекаетъ изъ слѣдующаго его отзыва обо мнѣ: „я не берусь судить на сколько Г. Афанасьевъ при своей практической дѣятельности (опять практическая дѣятельность!) руководится научными свѣдѣніями, но не могу скрыть, что преподаваніе діагностики, порученное Г. Афанасьеву, находится у насъ въ неудовлетворительномъ положеніи, на что и жаловался часто покойный профессоръ Покровский, а едва-ли Г. Афанасьевъ будетъ въ силахъ справиться со многосложными занятіями кафедры частной терапіи и терапевтической госпитальной клиники.“ Такое голословное посягательство на мою преподавательскую дѣятельность можетъ быть объяснено только страстнымъ желаніемъ во что бы то не стало повредить мнѣ и моей кандидатурѣ. Если бы это заявленіе исходило дѣйствительно изъ разумнаго сознанія существующаго положенія дѣла, то ни въ какомъ случаѣ безпристрастный человѣкъ не сталъ бы прибѣгать къ такимъ неопозволительнымъ приемамъ, какъ ссылка на умершаго. Если бы я, Г. Мерингъ, позволилъ себѣ обнародовать хоть десятую часть всего того, что мнѣ приходилось слышать отъ покойнаго Покровскаго о Вашей преподавательской и практической дѣятельности, то навѣрное Вы потеряли бы навсегда охоту ссылаться на покойниковъ. Но разъ рѣшившись на такое голословное обвиненіе меня въ неисполненіи моихъ обязанностей, Вы должны были бы подумать о томъ, чѣмъ Вы можете его доказать; вѣдь и пенсія должна имѣть свои границы, а особенно если къ ней прибѣгаетъ человѣкъ съ положеніемъ и образованіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Вы разсчитывали отчасти на свой авторитетъ, а главное—на большинство, которое Вы имѣете за собою въ факультетѣ. Не желая остаться у Васъ въ долгу, я позволяю

себѣ спросить Васъ,—что вы сдѣлали для Вашего научнаго авторитета въ теченіи 25-лѣтней своей педагогической дѣятельности? Отъ Васъ, какъ директора факультетской терапевтической клиники, обставленнаго всеми научными средствами, слѣдуетъ требовать очень и очень многого, а между тѣмъ Ваша дѣятельность въ теченіи этого времени ничѣмъ не являла о своемъ существованіи. Всякій другой на Вашемъ мѣстѣ, сознающій хоть мало малъски интересы отечественной науки, создалъ бы терапевтическую школу, а Вы, между тѣмъ, лишены возможности указать хоть бы на одного своего ученика, годнаго на вакантную кафедру. Что касается до научныхъ трудовъ, то Вы къ нимъ, какъ видно, питаете непреодолимое отвращеніе, такъ какъ въ теченіи всей своей педагогической дѣятельности не написали ни одной научной статьи. Не въ правъ ли многіе подумать, что Вы эксплуатировали науку и положеніе преподавателя въ русскомъ университетѣ въ теченіи 25-лѣтъ? А Вы, между тѣмъ, рѣшаетесь обвинять меня голословно въ неисполненіи моихъ прямыхъ обязанностей!—Другая и самая главная Ваша опора—факультетское большинство; вотъ это большинство—настоящая Ваша сила, объ ней мнѣ не судить. Знаю только, что это большинство составляетъ непроницаемую броню для Кіевского медицинскаго факультета, черезъ которую еще не проникъ ни одинъ кандидатъ съ самостоятельнымъ направленіемъ и русскою фамиліею. Гг. Бастырцевъ, Н. С. Афанасьевъ, Коломинъ, Соколовъ, Е. И. Афанасьевъ—все это кандидаты, отвергнутые большинствомъ Кіевского медицинскаго факультета. Всякій, кто только хоть немного знакомъ съ положеніемъ дѣла въ нашемъ факультетѣ, не затруднится понять истинный смыслъ систематическаго забаллотированія кандидатовъ съ русскими фамиліями и независимымъ направленіемъ. Университетскій уставъ, предвидя возможность образованія въ провинціальныхъ факультетахъ большинства, связаннаго узкими эгоистическими цѣлями,

предалъ рѣшающее значеніе только совѣтской баллатировкѣ; можетъ быть въ отношеніи другихъ факультетовъ такая постановка дѣла имѣть свое значеніе, но для медицинскаго факультета, вслѣдствіе многочисленности состава и исключительной его специальности, эта мѣра не достигаетъ цѣли. Члены Совѣта не могутъ быть компетентными судьями въ вопросахъ чисто медицинскихъ и почти каждый изъ нихъ послѣ баллатировки кандидатомъ на ту или другую кафедру медицинскаго факультета, пожимая плечами, замѣчаетъ: „чувствуешь, что дѣло нечисто, а тѣмъ не менѣе, какъ профанъ въ медицинѣ, волею—неволею, долженъ подчиниться рѣшенію факультетскаго большинства.“ Такимъ образомъ разъ составившее большинство въ медицинскомъ факультетѣ совершенно безнаказанно и безконтрольно можетъ забаллатировывать по своему усмотрѣнію того или другаго кандидата, держать кафедру безъ преподавателя по нѣсколько лѣтъ (хирургическая кафедра въ Кіевѣ была напр. семь лѣтъ вакантною), выбирать въ преподаватели того, кто не можетъ нарушить ихъ дремоты и халатнаго покоя, и не можетъ помѣшать имъ обдѣлывать свои дѣлашки.

Но интересъ настоящаго дѣла не исчерпывается вышеприведенными инсинуаціями: нѣкоторые члены факультета, опасаясь самостоятельнаго образа дѣйствія въ данномъ случаѣ со стороны Совѣта, сочли необходимымъ прибѣгнуть къ исключительнымъ мѣрамъ и дѣйствительно зарвались за предѣлы законности и терпимости. Г. Эргардъ позволилъ себѣ представить передъ баллатировкою въ Совѣтъ изложеніе дебатовъ, бывшихъ якобы въ факультетѣ о кандидатахъ, съ своей личной точки зрѣнія, безъ предварительнаго сообщенія этого доклада медицинскому факультету, и хотя противъ такого небывалаго еще образа дѣйствія были сдѣланы заявленія проф. Шкляревскимъ, а проф. Авенариусъ даже обѣщавъ подать особое мнѣніе, тѣмъ не менѣе докладъ этотъ былъ прочитанъ

и имѣлъ свое инсинуирующее вліяніе на членовъ Совѣта передъ самою баллатировкою и даже цѣлкомъ напечатанъ въ текстѣ протокола. Далѣе Г. Мерингъ, послѣ баллатировки въ факультетѣ, подалъ особое мнѣніе, наперекоръ § 2 инструкции Ректору, запрещающей подачу мнѣній по вопросамъ, рѣшеннымъ баллатировкою. Содержаніе этого особаго мнѣнія чрезвычайно поучительно, а особенно для того, кто умѣетъ читать между строкъ. Г. Мерингъ начинается съ сѣтованія на университетскій уставъ, позволяющій всякому члену факультета рекомендовать кандидата, а не предоставляеть ему одному право замѣщать вакантную кафедру терапіи по его личному усмотрѣнію. Далѣе слѣдуетъ такое обращеніе къ Совѣту: Вамъ, Гг. члены Совѣта, слѣдуетъ отрѣчься отъ личныхъ Вашихъ взглядовъ и связей, и только исключительно слушаться меня, такъ какъ я одинъ компетентенъ и могу рѣшить участь кафедры на 25-лѣтъ. Затѣмъ переходитъ къ представленію Совѣту кандидатомъ поочередно: Г. Соколовъ, рекомендованный Боткинымъ, человекъ вѣроятно знающій, но намъ не подходящий, такъ какъ мы уже проучены хорошо бывшимъ у насъ ученикомъ Боткина В. Т. Покровскимъ, къ которому мы благоволимъ только теперь, послѣ его смерти. Другой кандидатъ Афанасьевъ—также не соответствуетъ нашимъ требованіямъ, ибо онъ не обладаетъ достаточною дозою смиренія и до сихъ поръ не оказывалъ намъ достоюлжнаго уваженія и почтенія; къ тому же, онъ тоже воспитаникъ не жалудемой нами Петербургской медицинской Академіи. Третій кандидатъ Булгакъ, хотя и никогда не былъ при больныхъ и кромѣ диссертациі о селезенкѣ ничего не писалъ, но онъ намъ милъ, ибо представилъ шесть самыхъ лестныхъ рекомендательныхъ писемъ отъ самыхъ лучшихъ заграничныхъ клиницистовъ Германіи. Правда на пробныхъ лекціяхъ онъ оказался совершенно неспособнымъ къ педагогической дѣятельности, но это для насъ пустяки,—мы все таки не прочь на немъ остановиться, если